

Как я была Мэрилин Монро

Глеб Карпинский

Глеб Карпинский

**Как я была Мэрилин
Монро. Роман**

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Как я была Мэрилин Монро. Роман / Г. Карпинский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906973-3

Роман «Как я была Мэрилин Монро» — эта история об одной провинциальной девушке, которая, как две капли воды, была похожа на секс-символ 50-х Мэрилин Монро. И во многом благодаря этому сходству судьба ее оказалась яркой, насыщенной и не менее драматичной, чем у известной американской киноактрисы. Действия происходят в России в конце 90-х, начале 2000-х. Читается на одном дыхании.

ISBN 978-5-44-906973-3

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
ВОСПОМИНАНИЯ ЭЛИ МОНРО	9
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Как я была Мэрилин Монро

Роман

Глеб Карпинский

Произведение, не смотря на свою реалистичность, является сугубо художественным. Все совпадения по событиям и лицам случайны! Образ талантливой актрисы и просто красивой женщины Эли Монро, похожей, как две капли воды, на Мэрилин Монро, возможно, никогда не существовал на сцене по имени Жизнь.

Редактор Ирина Карпинская

Редактор Эльвира Габорец

Фотограф Виталий Юрчук

© Глеб Карпинский, 2019

© Виталий Юрчук, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4490-6973-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

*«Отец Небесный знает, в чем вы нуждаетесь еще до того,
как вы попросите Его о чем-либо».
6 гл. 8 ст. Евангелие от Матфея.*

Дорогие друзья, спасибо Вам за интерес к данному произведению. Перед его прочтением мне хочется немного рассказать предысторию. Нетерпеливый читатель может, конечно, пропустить эту пояснительную главу от автора и перейти к самой книге, в частности, к воспоминаниям некогда известной в закулисных кругах нашего отечественного шоу-бизнеса актрисы. Она, действительно, по крайней мере, в период своей бурной молодости была похожа на секс-символ 50-х Мэрилин Монро. И во многом благодаря этому сходству судьба ее оказалась яркой, насыщенной и не менее драматичной, чем у известной американской киноактрисы.

Я познакомился с Элей Монро через моего друга, ее мужа. Тогда они жили на Фрунзенской набережной. Детей у них еще не было. Помню, как меня поразили резко бросающаяся в глаза роскошь и великолепное убранство квартиры. Антикварная мебель, драгоценные безделушки, французские шторы, превосходный гардероб из стильных шмоток, и многое-многое другое. Все стены были увешены портретами Мэрилин Монро в дорогих золоченых рамках. Среди них были и оригинальные фотографии Эли, но отличить подлинник от оригинала было на первый взгляд невозможно. Молодая жена светилась счастьем. По ее взгляду, жестам, мимике видно было, что она влюблена. Рома, действительно, был заботливым мужем, но не из ее круга. Для меня оставалась загадкой, как такие разные люди и вместе. Он только начинал свой путь оператора, подрабатывал на свадьбах и ночами монтировал халтурку. Позднее я узнал, что родом они были из одного города, и Рома чуть ли не со школьной скамьи был влюблен в свою будущую жену. В Москве они опять встретились, и Эля ответила взаимностью. Жили они на широкую ногу благодаря ее накоплениям. Долгое время она работала в одном из самых престижных московских клубов.

Потом они быстро как-то съехали, и я позднее узнал, что им грозила серьезная опасность со стороны каких-то бандитов. Это была темная история..

Через год я пришел в гости на Пречистинку рядом с Храмом Христа Спасителя. Как я понял позднее, апартаменты, где жили мои друзья, принадлежали бывшей жене очень серьезного человека, близкого и по сей день к администрации Президента. Аренда была очень высокая, позволить такое могли далеко не бедные люди даже по московским меркам. Просторная кухня со всеми удобствами, зал с кожаным диваном и висящим над ним широким экраном, какие-то редкие антикварные вещи за стеклом вдоль стен, журнальный столик с прозрачной столешницей, изумительная библиотека с редкими и дорогими книгами, красивая хрустальная люстра с позолотой и мягкие ковры из персидской шерсти. В коридоре у входной двери висел дисплей, по которому можно было наблюдать за придомовой территорией, подъездом и просматривать весь цокольный этаж дома. Никто не мог пройти незамеченным. Апартаменты имели очень высокие потолки и винтовую лестницу с декоративными балясинами, ведущую на второй надстроенный этаж, где у супругов располагалась спальня. Там же находились игровая и детские комнатки. К тому времени у Ромы и Эли родилась уже первая дочка. Жили они по-прежнему на широкую ногу. Рома к тому времени устроился режиссером монтажа в преуспевающую новостную компанию, но я не думаю, что его зарплата могла покрыть расходы, которые они делали. Несколько раз я был свидетелем дорогих подарков друг другу, а однажды,

когда я с другом пошел на рынок, он поразил меня чрезмерной беспечностью, раздавая направо и налево попрошайкам-старушкам пятитысячные купюры.

Именно тогда Эля, узнав, что я пробую себя в роли писателя, предложила мне что-нибудь написать о ее жизненном пути. Она оказалась приятной собеседницей. Работать с ней было легко и интересно. Часто она даже переносила встречи со своими подругами, говоря им в трубку, что у нее сейчас сидит писатель. Это очень сильно подкупало меня, и я, действительно, старался собрать из ее многочисленных историй одну общую картинку.

Произведение вырисовывалось, как дружелюбное напутствие молодым девушкам, как добиться успеха в мире шоу-бизнеса. При этом подчеркивалось, что для этого не обязательно нужна постель и всякая пошлость, которой напичкан тот мир. Еще мне было приятно наблюдать, как молодая мама возится с ребенком. Их кухня всегда была завалена разнообразным детским питанием, бутылочками и баночками, среди которых я с трудом мог отыскать простую чашку для чая. Эля уютно обустроила детскую комнатку наверху и любила показывать гостям свою спящую дочку, так похожую на маму. Ей прекрасно шел образ матери и любящей жены. Помню, как-то она подарила мужу на годовщину свадьбы золотой перстень, и когда он загадочным образом исчез с его пальца, купила ему новый. Она не хотела видеть мужа расстроенным.

Став частым гостем в их семье, у меня появилась прекрасная возможность общаться с кем-то из окружения бывшей светской львицы. Мне, как начинающему писателю, было интересно видеть людей с любопытной судьбой. Среди гостей Эли Монро были знаменитости, политики, успешные бизнесмены, фотографы, журналисты, режиссеры, а также разбогатевшие на мужской похоти подруги, чаще всего с силиконовой грудью и ботоксом на губах. Часто эти гости были не особо общительные, и цель их прихода сводилась к тому, чтобы зайти на пять-десять минут в туалет, а потом с затуманенным взглядом уйти, иногда даже не попрощавшись. И в какой-то момент я осознал, что здесь творятся не вполне законные вещи.

Однажды я узнал, что мой друг Рома едва сам чуть не погиб от передозировки. В тот день, как он потом рассказывал, к нему приходили небесные стражники, сияющие в лучах солнца, с прозрачными телами, словно сделанные из воды, и они предупредили его, что в следующий раз они заберут его окончательно.

«Бросай курить и вали из Москвы», – сказали они ему сурово.

И уже скоро, собравшись с последними силами, мой друг собрал семью и, не обращая внимания на протесты жены, отправил ее и детей поездом в Армавир. К тому времени, отношения между супругами накалились до предела, и Эля уже решила подать на развод, так как жить с наркоманом было опасно. Сам же Рома, отдав ключи от квартиры хозяйке, на подержанной и убитой Волге тоже вернулся в родной город, захватив с собой лишь небольшой скарб вещей, которые не влезли в вагон поезда. Он рассчитывал восстановить отношения с супругой после лечения. Я провожал его тогда. Друг был опустошен, многие друзья оставили его, узнав, чем он балуется. Сам он отправлялся в реабилитационный центр на Кубани, где такие, как он, раз подсевшие на героин взрослые мужики играли целыми днями в футбол, а вечерами хрустели печенками, запивая их сладким чаем. Центр, как ни странно, помог ему, но отношения с Элей восстановить на тот момент не удалось. Безденежье душило распадающуюся на глазах семью. К тому же, Эля была в положении, нервничала, в какой-то момент и она сорвалась, и, захватив с собой дорогую видеокамеру мужа, которую она надеялась продать за большие

деньги, помчалась в столицу. Тот был в не себя, без камеры он не мог работать. У него на руках еще оставалась малолетняя дочь.

Не помню, кто кому позвонил первым, но я обещал ей не говорить ее взбешенному мужу заветный адрес. Был поздний вечер. Квартирка, в которой она обосновалась, располагалась в каких-то переулках Тверской улицы, и я с трудом отыскал тайную и уже имеющую вмятину от ударов ног дверь. Первое чувство было, когда я вошел внутрь, что это притон, где снимают комнату на ночь для любовных утех. Квартирка эта и была оформлена в гостиничном стиле в красных, раздражающих нормальную психику тонах. На столике стояло несколько невымытых и недопитых чашек с пакетиками чая, и работал электрочайник, и то, нужно было при этом как-то удерживать специальную кнопку, которая самостоятельно не включалась. От величия Мэрилин Монро не осталось и следа.

Она сидела на телефоне с большим животом и обзванивала всех своих подруг и знакомых, предлагая купить у нее эту камеру. Ей срочно нужны были деньги. Воздух был сильно прокурен. От духоты и неприятной атмосферы голова моя закружилась. Эля посмотрела на меня с усмешкой. Ей казалось, что вот-вот она достигнет большого успеха и денежный дождь осыплет ее с ног до головы. В квартире были какие-то подозрительные личности совсем не из ее круга, которые бродили с видом утомленного и заблудившегося путника. Они не нравились мне, говорили не совсем понятным мне языком, и я чувствовал невольную опасность от знакомства с ними. Заметив мой вопросительный взгляд, Эля сказала мне, что расстается с Ромой, что тот давно поехал с катушек, и она его даже боится. Что ей нужно снова начинать строить свою жизнь, и как только появится возможность, она обязательно заберет свою старшую дочку в Москву.

От литературного сотрудничества я разумно отказался и с того вечера не видел больше Элю и даже не знал ее судьбы. Шло время, и как-то раз, волею случая оказавшись в Армавире на площади перед памятником Ленина, я вдруг вспомнил об Эле Монро. Я вспомнил, как она рассказывала мне один из счастливых моментов своей жизни, когда она молодая и красивая, в воздушной плиссированной юбочке показывала свои стройные ножки малознакомому уличному фотографу. И тогда было точно такое же летнее утро... Почти безлюдно, лишь голуби, пьющие из луж, да редкий одинокий прохожий, проходя мимо, бросал свой сонный и немного удивленный взгляд на таинственную мистерию, творящуюся в самом центре Армавира.

ВОСПОМИНАНИЯ ЭЛИ МОНРО

На основе интервью с актрисой Эльвирой Габорец

Глава 1

Вера в потусторонние силы пустила свои корни, очевидно, еще в глубокие времена, когда люди поклонялись необъяснимым и разрушительным с точки зрения неокрепшего разума силам природы. Древний человек непрерывно чувствовал на себе пристальные взгляды этого мира. Что бы с ним не случилось, плохая охота или, наоборот, удачный день, когда он был близок к опасности, но чудом избежал ее, древний человек объяснял это проявлениями к нему какого-то особенного пристального внимания со стороны этих сил. То есть собственная значимость изначально сидела в крови наших предков и передавалась от поколения к поколению вместе с молоком матери, сказаниями и учениями. Появлялись культы божков, жрецы, а вместе с ними жертвоприношения и первые зачатки жестокой власти, человек невольно одушевлял камни, горы, солнце, различные стихии, наделяя их волшебными качествами, уважая и остерегаясь их законного гнева. Только потом, выйдя из пучины невежества темных веков, его смелый потомок сбросил иго потустороннего сознания и стал покорять Вселенную. А в прочем это уже из рода фантастики... Никогда мы не перестанем быть язычниками, это с нами надолго и навсегда. Так и я, образованная девушка, довольно неглупая для своих лет, не удивилась, когда мне предложили встретиться на квартире у некого Экара и пройти какой-то обряд вуду для снятия возможной порчи, а заодно, и для привлечения удачи в делах. Все выглядело на первый взгляд забавно, и я с радостью согласилась.

– Все будет хорошо, – сказал тихим, змеиным шепотом Экар, загадочно улыбнулся и взмахнул топором.

Красные брызги попали мне на одежду, птица дернулась в агонии, неистово хлопая крыльями. Я зажмурилась от страха, чувствуя, что вот-вот мое девичье сердце выпрыгнет из груди и покатится, как резиновый мячик под лавку, а этот горе-кудесник с зачесанной на бок лысиной уже протягивал мне стакан с теплой кровью. У него были грязные ногти, все выглядело отвратительным и гадким, но я боялась отказаться.

– Пей, моя хорошая!

Я посмотрела на Вику, в надежде на ее благоразумие, но та лишь развела руками и сказала:

– А чо? Так надо, подруга!

На ее постной физиономии появилась неискренняя, почти нескрываемая улыбка благоговения, которую можно наблюдать у священника, только что отпустившего грехи смертнику. Ее розовые щечки надулись, как у жадного хомяка, а глазки сузились от удовольствия. Умолять ее было бесполезно. Вика надула большущий пузырь из жвачки, который тут же лопнул и повис липучими сгустками на бледных губах. Я с отвращением поморщилась, так как все это напомнило мне сцену из дешевого порнографического фильма, когда оператор берет крупным планом, а господа-режиссеры, спрятанные за кадром, с особым извращением и жестокостью выдавливают из каких-то тюбиков на почти невинное и крайне удивленное лицо девушки сгустки майонеза или кефира.

– Викуля, милая. Ну, скажи ты ему! – вырвалось из моих уст, но Экар уже всучил подруге обезглавленного, но еще трепыхавшегося петуха.

– На супчик!

Его шипящий змеиный голос гипнотизировал. Я сделала попытку встать и уйти, но этот чертов кудесник затворил за Викой дверь и с видом подвыпившего лихого хирурга взял свои руки в замок и хрустнул костяшками пальцев:

– Ну-с! Приступим!

Экар был удивительно подвижный, как заводной игрушечный робот, словно в его обтянутом кожей футляре всегда была вставлена волшебная батарейка. Движения его были прерывисты, глаза бегали из стороны в сторону, но при этом он всегда внушал людям свою исключительность, знание дела. Между девочками мы его в шутку называли «сперматозоид», так как он никогда не ходил прямо, а какими-то зигзагами, особенно, когда выпьет. Сейчас он водил надо мной окровавленными руками, растопылив длинные пальцы, словно хищная птица, и я с трепетом наблюдала, как стекает с них жертвенная кровь петуха.

– Абдурахман- манн-ма.... – закричал он мне прямо в ухо визгливо, и я чуть не поперхнулась.

Он улыбнулся, довольный тем, что я послушная девочка, и снова пустился в свой дикий пляс шамана. Мне вдруг стало смешно, и я едва удержалась от смеха, когда этот кудесник стал нести полную окоlesiцу на неизвестном мне наречии, величественно возвышаясь надо мной. На кухне слышно было, как гремит посуда и шумит вода из крана. Там о чем-то беседовали. Мое сердце невольно застучало. Ведь я уже приняла твердое решение расстаться со своим парнем, и весь этот цирк был придуман для того, чтобы Вика объяснила Леше, что я уже больше не его девушка. Самой мне признаться в этом духу не хватало, и я долго вынашивала план, как все это сделать менее болезненно. Случай помог нам. Последняя неделя лета была очень дождливой, и я простыла по-женски. Просить родителей на лекарства совесть не позволяла, они и так вбухали все в мою учебу, и Леша, узнав о моих стеснениях, предложил услуги знакомого экстрасенса, абсолютно бесплатно.

Помню, в тот же день я зашла к частнику и взяла петуха для обряда. Эта была тощая, неопределенного возраста птица с помятым черным хвостом и отмороженным гребнем. Хозяин продавал ее дешево, но, видя мои сомнения, отдал даром.

– Бери, бери! Как говорится, в помощь голодающим Поволжья, – сказал он. – Его давно куры гоняют, а у меня зерно заканчивается.

Петух, словно предчувствуя беду, вырвался из моих неумелых рук, и его долго и с матом ловили по всему огороду. Наконец, загнанного в угол сунули в мешок, где он благополучно затаих, смирившись с судьбой.

Экар встретил нас приветливо, пожурил, что петух тощий, но все же принял. Он был сожителем матери Леша, и относился к моему парню, как к сыну. Я ни о чем тогда плохо не догадывалась, хотя уже тогда стоило обратить внимание, как они перемигивались и шептались между собой. Кто бы мог подумать, что в этой квартире созрел заговор, и, вместо снятия порчи, меня решили заговорить на любовь. И пока мы колдовали, а Вика на кухне объясняла Леше, что к чему, Экар уже призывал силы Космоса.

И силы Космоса не заставили себя ждать. Меня вдруг стало подташнивать, и я, чувствуя, что вот-вот могу упасть в обморок, потянулась за сигаретой.

– Все, моя хорошая! – хлопнул Экар меня по лбу ладонью. – Ты Лешу любишь, со здоровьем все в порядке!

Я быстро чиркнула спичкой и затаилась, осторожно оглядываясь по сторонам. Вещи в комнате остались на месте, книжный шкаф, софа, пыльный ковер на стене, но что-то в моей душе надломилось.

«Все это ерунда, Эля! Показалось!», – убеждала я себя в тревоге.

Закончив сеанс, Экар закурил свою маценку, выдувая облако сладкого дыма, и на сером шаманском лице его появилась довольная улыбка.

– На свадьбу не забудь пригласить, – сказал он фамильярно.

Мое личное пространство было нарушено. Я вышла из комнаты с неприятным чувством, словно из кабинета гинеколога. Коленки мои дрожали, а в сердце был жар. «Вот, дура, – подумала я. – Зачем согласилась на эту авантюру, да и петуха жалко. Бегал еще бы да бегал...»

На плите кипела кастрюля, накрытая неплотно крышкой, из-под которой торчали птичьи ноги.

– Ты хоть потрошила? – спросила я, зная, что из Вики плохая хозяйка.

Леша сидел, склонившись над кухонным столом, закрыв голову руками. Весть о нашем расставании с ним, переданная деликатно моей подругой, огорчила его. Вика разливала всем чай по чашкам. По озабоченному взгляду подруги я поняла, что их разговор состоялся, и она упивается выполненной миссией.

– А чо? – улыбнулась она, неприятно чавкая жвачкой.

Меня терзали смутные сомнения. Леша поднял голову, взглянул на меня голубыми, блестящими от слез глазами, и я вдруг отчетливо поняла, что люблю этого человека.

Глава 2

За забором недовольно загоготали гуси. Я оторвалась от дел и прислушалась.

– Эльвира, иди ворота открывай, там твой Леня Голубков приехал! – закричал мне отец.

Он был в своей мастерской, когда помытая до блеска черная «бэха», приятно поскрипывая новой резиной о щебенку и распугивая гусей, вальяжно подъезжала к нашим воротам.

У Леши был явно талант нравиться людям, производить впечатление некоего фрэера, жизнь которого удалась. Даже мой отец, всегда прохладно относившийся к моим ухажерам, радовался этому двадцатилетнему парню. И это неудивительно. Леша Мультик был обаятелен. Почему его в нашем городе звали «Мультиком» никто толком не знал, может быть, он был похож на одного из сказочных персонажей диснеевской эпопеи, в то время популярной среди мальчишек. Как все начинающие бандиты, мой парень носил кожаную потертую куртку и короткую стрижку. До нашего знакомства он занимался скромно коммерцией, ездил на своей раздолбанной «девятке», закупал в Греции довольно вкусные оливки и торговал с другом на городском рынке. Амбиции росли, как на дрожжах, успехи своих друзей-коммерсантов омрачали его, и вскоре он переключился на другой промысел.

Внешность у Леши была то, что надо, как у актера Дольфа Лунгрена в самые золотые его годы на пике славы. Высокий блондин с голубыми глазами, истинный ариец, накаченные мышцы, модный прикид. Когда он улыбался симпатичной, доброй улыбкой, а в его руках была бейсбольная бита, отказать ему было невозможно. Коммерсы предпочитали делиться.

На любовном фронте Леша тоже имел успех. Ему достаточно было появиться на горизонте на новой тачке, и местные Ассолы уже прыгали кубарем в машину к своему принцу. Я тоже была не исключением, восхищалась Мультиком, хотя понимала, что это легкое увлечение быстро закончится, и я не смогу, как честная девушка, выдержать его походов. А пока мы наслаждались беззаботной молодостью, и многое нам прощалось.

Времена тогда были лихие. Страна встала на капиталистические рельсы. Дефицит, инфляция, ваучер, дефолт, коррупция, Гайдар, Чубайс, Мавроди. Каких только иноземных слов-паразитов не выучил бывший советский гражданин! Мы все были словно в замешательстве, в черном омуте безысходности, не знали, куда идти. Все перемешалось. Профессора пошли торговать на базар рыбой, библиотечарши на трассу телом, но те и другие смотрели мыльные оперы и рыдали в три ручья. В магазинах стояли очереди за хлебом, народ, чтобы забыться, глушил водку и пробовал диковинные бананы, завидуя неграм, что у них они растут на каждом дереве. Разгул бандитизма достиг таких масштабов, что киллеры среди бела дня на лавочках грызли семечки, спокойно ожидая свою жертву, с «калашами» на коленках. Но самое страшное было безденежье и безработица.

Моей семье еще повезло. Мама работала в магазине продавцом в молочном отделе. Отец только бросил пить и организовал в гараже и во дворе автомастерскую. Помню, весь двор был завален старыми запчастями и пропах бензином и машинным маслом. Ради меня отец снова сошелся с нами, хотя, возможно, и никогда не любил мать за ее природную, доходящую до нелепости подозрительность. Она во всем видела недоброе, подозревала всех в каких-то выгодах и корыстях. И даже этот героический поступок своего бывшего мужа, когда он вер-

нулся в семью и обещал больше не пить ради дочери, воспринимался ей, в лучшем случае, как должное.

Совместными усилиями родители устроили меня в техникум пищевой промышленности, надеясь, что их любимая дочка станет в будущем директором масложиркомбината или консервного завода. Мне же ужасно хотелось вырваться из плена провинциальной жизни. Я, как одна из «Трех сестер» Чехова, с надеждой повторяла про себя:

– В Москву, в Москву! – и с тоской смотрела проезжающим вслед машинам с московскими номерами.

Странно, но я была убеждена, что стану знаменитой актрисой в столице. Не помню, кто это вбил мне в голову, может быть, приснилось, но я часто представляла себя порхающей на сцене под вспышки фотокамер, и как полный зал рукоплещет мне овациями, вскакивает с мест, и, с криками «Браво, Эльвира! Браво!», бросает под ноги цветы.

Поначалу в этих призрачных грезах я не мыслила себя без Леши. Он всегда сидел в первых рядах, с золотой цепью на груди, жевал чипсы и пил пиво из бутылки. Видя его накаченные бицепсы, окружающие не решались делать ему замечания, но он и без их замечаний посылал всех куда подальше. Поначалу мне это сильно нравилось. Я чувствовала себя защищенной и любимой. Подруги, не скрывая своих чувств, завидовали мне, и я даже была не прочь выйти замуж за этого местного принца, чтобы он не достался никому. Но со временем я стала убеждаться, что парень мой ограниченный и точно не моего полета. Я представила, как буду жить с этим человеком, для которого единственным аргументом является сила или бейсбольная бита. И мне стало в эту минуту сомнений жутко страшно.

Поэтому я несколько раз порывала расстаться с ним, но он, словно чувствовал это, умолял не спешить, обещал золотые горы. Но мне не нужны были эти сокровища, нажитые нечестным путем на крови и насилии. Я верила в карму, что все возвращается и воздается, и несколько раз пыталась отговорить его от рэкета, предлагая заняться каким-нибудь честным делом, но он смотрел на меня как на полоумную.

– Ты не понимаешь, Эля, – говорил он мне, словно дуре. – Сейчас время такое. Этого никогда не повторится. Лови момент! Все лежит на земле бесхозное. Нужно только подбирать и складывать, а уж потом, когда все соберется и сложится, вот тогда можно будет стать человеком. И главное, заруби себе на носу. Мой бизнес – это мой бизнес. Твое дело – любить меня и терпеть.

И я любила и терпела, часто идеализируя Лешу, наполняя его какими-то благородными и человеческими качествами, упиваясь надеждами, что человек может измениться, что время сейчас действительно другое и надо заниматься тем, чем умеешь. Но жизнь расставила все на свои места, и доказала мне правду поговорки, что если сомневаешься, воздержись.

Сначала я стала замечать, что мой парень стал сильно занят. Он объяснял это сложной работой и кормил обещаниями. Мы практически не виделись неделями. И я не находила себе места. Помню, как долгими и бессонными ночами сидела я на подоконнике, поджав под себя ноги, и с грустью смотрела в окно на спящий город. Мое сердце тосковало. Я молила Бога, чтобы мой любимый поскорее пришел ко мне, живым и невредимым. После приворота экс-

трасенса в моих мыслях был только Леша, и, признаться, я даже хотела забеременеть, родить ему такого же маленького Дольфа Лундгрена, чтобы окончательно связать нашу судьбу.

Но грубая, жестокая среда, в которой он общался, лепила из него героя не моего романа. Часто от него пахло другими женщинами, что, несомненно, выводило меня из себя. Я устраивала сцены ревности, но он целовал меня, успокаивал, и я, как дуруха, верила, что все рано или поздно образуется. К тому же у меня не было сил расстаться с ним. Магия Экара действовала без отказа. Учеба шла побоку. На занятия я уже ходила, чтобы «повыпендриваться», вызывая зависть у подруг и слюни у мальчишек. Последние часто писали мне любовные письма, но я издевалась над их светлыми чувствами. Однажды один мальчик, ожидая меня на свидании, всю ночь простоял под дождем с букетом цветов и бутылкой вина. Подруги донесли, что вино он в горести одиночества выпил, заснул на лавке и простудился. Мне было неловко, но я ничего не могла с этим поделать. По молодости я не понимала, что если плохое настроение, это не значит, что нужно портить его другим. Я прощала себя, прекрасно осознавая, что расцвела в местную красавицу, которой якобы все позволено. Прощали и меня, хотя некоторые, наверно, до сих пор затаили на меня обиду.

Вся эта романтическая пора промчалась вместе с упавшими листьями и зимними холодами, когда первые солнечные лучи протопили снег. На улицах нашего городка потеплело, а в лужах радостно купались воробьи. Дворники еще не успели вымести прошлогодний мусор, а девушки нашего славного городка уже щеголяли в коротких юбках. Пришла долгожданная весна. Помню, в тот вечер я стояла перед зеркалом, и наводила *make up*. На мне была ангорова кофточка, лаковые туфли на лодочке и юбка с разрезами. Красилась я тогда в черный цвет и была похожа на ворону. Кассетник крутил песню Линды, скрипя и слегка зажевывая пленку.

– Я ворона, я ворона, на-на, на-на, на, – подпевала я, красив ногти черным лаком.

Настроение было просто волшебное. Я порхала словно бабочка. Леша после зимней спячки подарил мне сережки с черным агатом, под тон моего маникюра, и пригласил отдохнуть вечером в гостинице Элит, развалины которой до сих можно увидеть на трассе Ростов-Баку. Там часто собирались друзья Леша, чтобы отпраздновать удачную работу. Я так обрадовалась, что совсем потеряла чувство реальности.

По крыльцу барабанила капель, и в каждой ее капле отражалась моя любовь. Помню, как я шла такая счастливая по улице, вся в этих ярких, солнечных брызгах. Прохожие оборачивались мне вслед, и мне казалось, что весь мир у моих ног.

Лешка при встрече нежно обнял меня и так просто и искренно сказал, что любит. Я тогда расплакалась, и мне пришлось повторно делать *make up*. Оказалось, что на праздновании должны были быть уважаемые люди, местные воры, авторитеты. Леша был у них вроде вышибалой или каким-то нештатным телохранителем. Своим ростом и физической формой он сильно выделялся среди их низких фигур. Я чувствовала себя не в своей тарелке, но во всем полагалась на своего парня. Кругом звучала восточная речь, на меня смотрели холодно и с подозрением, и мне даже казалось, что я нахожусь в таборе некой невольницей. Казалось, в этих сердцах не осталось ни капли жалости. Эти волчьи взгляды прожигали насквозь каленым железом, когда кто-то осмеливался встать им на пути. Я видела, как раскачиваются на их мощных шеях тяжелые кресты, переливаясь золотом и потом, и мне невольно хотелось молиться. Воры сидели на диванах, часто говорили на своем языке, курили кальян и пили водку. Рубашки были

расстегнуты, движения вольны и размашисты, на волосатой груди у каждого были наколоты иконы православных святых.

Мне хотелось уйти, и я невольно прижималась к Леше, показывая всем своим видом, что я честная девушка и люблю своего парня. Но это были люди с животной интуицией, которых сложно было обмануть. Они не верили в нашу любовь. Для них все русские девушки были доступны. Главный из бандитов, Калиф, находясь в нирване, как тибетский монах, равнодушно брякал четками. Стол ломился восточными яствами. Богатый ассортимент сыров, овощи, фрукты, суп из жирной бараньей грудинки с разнообразными овощами и фруктами, бесподобная долма в виноградных листьях и форель в вине.

Мы рвали лаваша руками, облизывали в нескрываемом удовольствии свои жирные пальцы, пили за успешную сделку, за братву. Нервное напряжение после бокала вина заметно спало. В какой-то момент я утомилась и пошла отдохнуть в соседнюю комнату. От балконной двери шел свежий ночной воздух. Я легла на кровать и задремала. Мне приснился чудный сон. В сиянии софитов на сцену вышла незнакомая мне актриса с золотистыми локонами и лицом ангела. Она посылая воздушные поцелуи восторженным зрителям, но было видно, что ее сердце не любит их. Она слушала блюз, который творил за роялем слепой, седой негр. Ее движения были грациозны, таинственны и полны женственности. Когда девушка кокетливо задирала юбку, показывая свои клетчатые чулочки, зал ахал. Я спрашивала у зрителей, кто эта девушка, но они молчали, открыв от изумления рты, словно замороженные, и пепел на их гаснущих сигарах бесшумно падал снегом вниз. Актриса делала изящные па на двенадцати сантиметровых шпильках, подзадоривала слепого музыканта «Бобби, девочки хотят погорячее!», и он стучал по черно-белым клавишам, как бог. Зал трепетал, следил за игрой складок развивающегося на ветру плиссированного платья. Кто-то из зрителей бросил к ее очаровательным ножкам свою ковбойскую шляпу, и девушка примерила ее под радостный свист и рев толпы. Она улыбалась, словно младенец, чистой улыбкой ангела, а ветер бесстыдно задирал края ее платья, и она, смущаясь и одновременно смеясь, пыталась прикрыть свои обнаженные ноги. Зрители весело свистели и умоляли не покидать сцену.

Кто-то тронул меня за плечо.

– Леша... – прошептала я, не отрываясь от сцены.

Мне не хотелось просыпаться. Замечательная актриса звала к себе, махая мне приветливо рукой. Я оглядывалась, думая, что она обозналась, но зрители подняли меня и передавали на руках вперед, прямо на сцену. Прожектор был направлен мне в лицо, и я жмурилась, ощущая в себе прилив великого счастья.

– Давай раздевайся, – услышала я вдруг хриплый голос Калифа.

Я в испуге открыла глаза. Волшебный сон мой прервался, и я так и не успела попасть на сцену. В темноте хищная тень нависла надо мной, дыша перегаром, табаком и луком.

– Что Вы делаете? – отдернула я от себя бесцеремонные руки. – Я с парнем, Вы что...

– Знаю я, с каким парнем...

Его восточные глаза смотрели на меня, как на дешевую шлюху, алчно и брезгливо. Я попыталась вырваться, но бандит грубо отбросил меня на кровать и дал пощечину.

– Да ты знаешь, кто я такой? – захрипел он угрожающе. – Молчи и не рыпайся!

Его чревоугодная улыбка сменилась хищным оскалом и, наслаждаясь своей властью и безнаказанностью, он навалился на меня своим волосатым, пахнущим едким потом телом. Мне стало противно и страшно, я задыхалась от этого запаха, все еще сопротивляясь. Ему это вдруг стало нравиться. Он дал мне еще пощечину, и в этот момент я вырвалась, оскорбленная такой наглостью. Калиф удержал меня, схватив за платье, и еще секунду и он бы овладел мной, но я успела ухватиться за ручку двери.

– Куда, сука!? – крикнул он и рванул к себе.

Платье треснуло, и осталось в руках авторитета. Одновременно дверь открылась, и я по инерции влетела в гостиную, где застолье было в самом разгаре. В клубах табачного дыма бандиты смотрели на меня, как на нечто мерзкое и противное, продолжая пить и закусывать. Леша тоже был среди них. Я стояла одна, в одном нижнем белье, униженная и оскорбленная, с испуганными глазами.

– Ты чего, зая? – виновато улыбнулся он. – Тут все свои.

Я не отдавала себе отчет. Гнев овладел мною. Магия Экара разрушилась от этой внезапной вспышки. Я ненавидела Лешу за то, что он смалодушничал и побоялся противоречить авторитету. Жалкий и ничтожный, не понимающий, что уважать его за это низкое предательство никто не будет, он сидел за столом и виновато улыбался! Еще немного и из комнаты вышел бы Калиф, и на его глазах затащил бы меня обратно, а он продолжал бы пить водку и беседовать со своими новыми восточными друзьями.

Первое, что попало мне под руку, была бутылку советского шампанского.

– Леша, сука, ты меня подставил! – закричала я в исступлении и обрушила ему ее на голову.

Молодой Дольф Лундгрэн сник. Кровь залила ему щеки, и легкая пьяная улыбка поползла по его бледному лицу, как тень затмения покрывает землю. Бандиты встрепнулись, вскочили с мест. Один из них инстинктивно схватился за нож, торчащий в жареном поросенке.

Положение мое было незавидное. Я не знала куда бежать, окруженная волчьей сворой. В этот момент из спальни вышел разъяренный Калиф.

– Ты пожалеешь, что родилась! – прохрипел он с кавказским акцентом.

Синие вены на его бычьей шее вздулись от гнева. Я, ловко увернувшись от его цепких объятий, и, кажется, укусив за ухо, свалила его с ног. Лихая вольная кровь моих предков взбурлила в час отчаяния. О, если бы у меня в этот час была славная казачья сабля! Клянусь, я порубала бы всех к чертовой матери, кто попался мне под горячую руку! Нырнув в спальню, я вскочила на подоконник. Прыгать со второго этажа было опасно. Темнота нависла надо мной, как черная туча. Холодный ночной ветер прожег мою душу, играя с моими волосами, будто дьявол.

Я увидела под ногами подъездный козырек, накрывавший крыльцо гостиницы узкой изогнутой балкой, и, зажмурившись, прыгнула вниз. Раздался оглушительный грохот от жестяного листа, будто взорвалась бомба. Окна верхних этажей гостиницы зажглись. Кто-то высунулся в окно. В этот момент бандиты уже ворвались в комнату и подбежали к окну. Они не ожидали, что я решусь спрыгнуть. Я стояла на каблуках, на самом краю подъездной крыши, дрожа от страха и холода, едва держа равновесие. Один каблук был сломан. Сильно ныла лодыжка.

– Помогите, насилуют! – закричала я на всю округу.

Мой дикий вопль разнесся эхом в ночной мгле. Единственный источник света на верхних этажах погас, и стало темно. Никто не хотел вмешиваться в чужие разборки. Изредка проносились по трассе автомобили, освещая мое бледное лицо тусклыми фарами. На мое счастье на крыльце появилась администратор гостиницы.

– Ты разве не знала, куда едешь и для чего? Бедное дитя... – покачала она головой.

В этот момент Калиф схватил меня за волосы, и, как тряпичную куклу, поволок обратно в комнату. Я завизжала от боли, беспомощно дрыгая ногами. Голос не слушался меня. И я зарыдала, как ненормальная. Дальше происходило все стремительно. Двое-трое свирепых мужчин били меня ногами и руками, словно бойцовскую грушу, упорно и методично, и если бы не настойчивый звонок в наш номер, несчастный труп мой нашли в ближайшем овраге.

– Перестаньте безобразничать! Милицию вызову! – услышала я спасительный голос администратора гостиницы.

Святая и смелая, я даже не знаю твоего имени! Ты не побоялась остановить мерзавцев, когда даже взрослые мужики, закаленные в бандитских разборках, забыли принципы чести и уважения к женщине, будущей матери, и прятали свою голову в песок, и мне никогда не забыть той спасительной минуты. Никогда!

Никогда я еще не забуду, как в синяках и царапинах, под лай бродячих собак, прихрамывая, в крови, в разорванном платье, я брела вдоль трассы Ростов-Баку и рыдала горькими слезами. Я шарахалась от проезжающих машин, таилась в тени деревьев и рытвин, словно проклятый призрак остерегалась лучей восходящего солнца. Мне было ужасно обидно, что меня приняли за шлюху, и что мой молодой человек испугался противоречить авторитетам.

Уже светало. Домой мне нужно было идти через весь город, и я вспомнила, что здесь в ближайших домах живет моя однокурсница.

– Твою мать! Эльвира, что с тобой? – ахнула она, открыв дверь.

На мое счастье Тонька оказалась дома одна, и меня больше никто не видел. Ее родители работали врачами в больнице, и в это время была их смена. Я еще ревела, вытирая раскрасневшиеся от слез глаза, а она уже копошилась в аптечке, ища нашатырь и спирт, бинты и йод. Приведя себя в порядок, я еще на пару дней оставалась здесь, залечивая раны души и тела. Мне не хотелось показываться дома перед родителями в таком подавленном состоянии.

– Я ждала тебя, – призналась Тонька, сочувствуя мне, – но не думала, что при таких обстоятельствах.

Вот уже целый семестр она обещала мне дать почитать книгу Игоря Беленького «Мэрилин Монро», в которой была описана биография самой красивой девушки на планете, пробивающейся сквозь тернии к волшебным софитам сцены.

Маме я уже могла рассказать, что случилось со мной в гостинице Элит. Мы даже ходили в милицию, но там заявление не приняли и отправили к вольным казакам. Казаки приняли нас радушно, выслушали с сочувствием и посоветовали молиться. И как ни странно звучит, через год об этой братве в городе уже никто не вспоминал.

После происшествия в гостинице Элит прошла всего неделя, но городок у нас маленький, и порочащие слухи быстро распространялись. Я не хотела, чтобы на меня показывали пальцем. Скоро ко мне забежала Вика. Ей не терпелось узнать подробности той ночи. Она даже не спросила, как я себя чувствую. В этом была вся моя подруга. Простая и прямолинейная.

– Ну, чо? Поимели тебя? – спросила она, едва отдышавшись, прямо в коридоре.

– Спаслась.

– Эх, скукотища! – заметно расстроилась подруга.

Синяки и царапины быстро проходили. Я по-прежнему сидела на подоконнике, обнимая колени, и смотрела с тоскою в окно. Теперь мой родной город казался мне враждебным и злым. Люди, которые были близки мне, словно отвернулись по мановению колдовской палочки. Как назло, отец снова запил, а мама работала с утра до ночи без выходных, чтобы свести концы с концами, ей было не до меня.

Господи, как мне тогда хотелось перемен, уехать отсюда прочь, начать жизнь с чистого листа! И перемены я начала с самой себя, решительно и бесповоротно, купив перекись водорода. Для пущего эффекта я постриглась под каре, придала выцветшим волосам платиновый оттенок с помощью школьной копирки и накрутила мамины бигуди.

– Шик! – поднесла мне зеркало подруга.

Я посмотрела на себя и приятно удивилась.

– То, что надо!

Вместо черной вороны с потухшим, депрессивным взглядом на меня смотрела яркая, самодовольная, блистательная блондинка. Я сразу почувствовала в себе уверенность. Что-то встрепенулось в моей душе. Музыка далекого блюза донеслась мне из последнего сна.

– Вика, тащи шляпу отца из коридора!

Подруга посмотрела на меня, как на свихнувшуюся. Через минуту я уже примеряла на себя шляпу, поворачиваясь то в профиль, то в анфас, приподнимая ее за края двумя пальцами, и радостно улыбаясь.

– Ну, как? – крутанулась я на одном мыске.

– А чо? Ни чо! – одобрительно лопнула жвачный пузырь Вика. – На кого-то похожа... Только не помню.

И мне вдруг пришло озарение.

Я вдруг бросилась к книге, которую дала мне почитать в напутствие Тонька, открыла ее на нужной странице.

– Смотри! – показала я пальцем на черно-белую фотографию знаменитой голливудской актрисы.

На ней была запечатлена красивая молодая женщина. Ее слегка уставший взгляд больших выразительных глаз был направлен вглубь нашего пространства, но не на ничтожного зрителя. Будто позади нас было нечто необыкновенно волнующее, мудрое и величественное. Платиновые, выющиеся волосы были уложены, но в то же время угадывалась в них та нежная, первозданная стихия, которая проявляется в необузданной женщине после хорошего секса и улавливается лишь художниками высокой масти. Чувственный, влажный рот был слегка открыт для страстного поцелуя. Родинка у его левого края подчеркивала утонченность и ранимость натуры. Элегантные тонкие кисти рук были приподняты к лицу и едва касались жемчуга бус, тень от которых ложилась печалью на белоснежную шею актрисы. Богемные серьги, подарок состоятельного мужчины, возможно, президента Америки, сверкали бриллиантами, отягощали ее купленную, но еще несломленную душу кротким дыханием надежды...

Вика с удивлением воскликнула.

– Офигеть! Как ты на нее похожа!

Я засмеялась и, схватив подругу, стала кружиться с ней в радостной эйфории. Мы так кружились, что вещи в комнате падали на пол вместе с нами, но мне было все равно. Вдохновение удачи парило над нами. Я была убеждена, что это совпадение с образом знаменитой голливудской актрисы неслучайно, что Бог поможет мне попасть в Москву и забыть все невзгоды провинциальной жизни.

Глава 3

Я раньше не верила, что имя сильно влияет на судьбу человека. Хотя слышала поговорку «Как корабль назовешь, так он и поплывет». Все это для меня казалось чем-то отдаленным и суеверным. Да и никого не было рядом, кто бы мог предупредить меня и сказать, что уж если нарекаешь себя новым именем, постарайся, чтобы это имя было под защитой счастливой и удачной звезды. Правда, если бы тогда и нашелся человек, который остерег бы меня от непродуманного решения, я бы все равно поступила бы по-своему. Уж больно мне, молоденькой хорошенькой провинциалке с неумолимыми амбициями, хотелось славы и признания меня как актрисы.

В древности людей нарекали именами, связанными с их особенностями характерами и качествами, или даже важными событиями того времени. С годами менялся язык, одни народы покоряли другие, происходило смешение культур, гибель и возрождение новых учений и религий, негативно и даже агрессивно настроенных к прошлому. Все это, несомненно, повлияло на память новых поколений, и старые имена потеряли тот первоначальный смысл, став бессмысленным набором звуков. И, называя сейчас детей различными именами, взрослые и не догадываются, как это все может повлиять на дальнейшую судьбу ребенка. Не догадывалась и я, взяв псевдоним Мэрилин Монро, судьба которой была хоть и яркой, но трагичной.

Одно для меня было понятным. Войдя в образ Мэрилин Монро, мне нужен был другой уровень общения, другие поклонники. В стране полным ходом шли перемены. Открывались увеселительные заведения, казино, ночные клубы. Не так просто было войти в эту реку новой жизни, научиться держаться в ее мутных водах, опасных своими течениями и водоворотами. Не скупясь на мой новый образ, я решила потратить все свои скромные сбережения. В ателье мне сшили красивое правдоподобное платье, лекало подбирали по фотографиям актрисы. По благу мне раздобыли качественную косметику, сделали дорогую прическу. Старые подруги ухаживали в прошлое. Первым, что пришло в голову, это гоголем пройти мимо Леши, так сказать, с гордо поднятой грудью. Я сразу же отправилась к Ольге, которая была подругой лучшего друга моего бывшего парня. Раньше мы несколько раз встречались, но как-то не присматривались друг к другу. Мне хотелось, чтобы мой бывший парень кусал локти до остервенения, узнавая, какая я стала красивая и успешная. С некой долей удовлетворения узнала я, что после того инцидента в гостинице, Лешу выгнали из банды за малодушие.

Характер у моей новой подруги был неугомонный. В пятнадцать лет она ушла из дома, приехав в наш город из глухой деревни, но быстро освоилась и стала жить на широкую ногу. Она хорошо разбиралась в людях, острым чутьем определяла полезность того или иного знакомства. При встрече Ольга увидела во мне перспективную подружку, сразу поддержала меня и даже решила взять шефство надо мной. Маленькая и пухленькая, с цепкими, хитрыми глазами она заметила меня и уже не отпускала. И хотя она была младше меня на год, жизненный опыт был у нее богаче моего. Помню, как Ольга вечно худела, вычитывая в журналах модные диеты. И хотя ее нельзя было назвать первой красавицей, но, стоит отметить, что она обладала почти магической врожденной женственностью, ее чертовски любили мужчины. Это был феномен, и я, как примерная ученица внимательно изучала ее таланты. Кавалеры подруги смотрели на меня, как на фальшивую куклу пустышку. Моя же подруга умела вызвать интерес к себе мужчин невербальными откровенными позами и движениями, манерой общения без комплексов и, главное, превосходной техникой кокетства.

Я не раз наблюдала, как мужчины сходят по ней с ума, а она, гарная дивчина, совсем не обращая никого внимания на их восторженные и зачастую вожаденные взгляды, глушила наравне с ними текилу с солью, читала запоем Есенина, с надрывной хрипотцой в голосе, с характерным южнорусским акцентом, и так размашисто и правдиво, что многие хватались за душу:

*Да! Есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лизжут в очередь кобели
Истекающую суку соком.*

Как глупые мотыльки, слетались они на ночной костер моей новой подруги, и сгорали от страсти вместе со своими сбережениями. Ей дарили шубы, бриллианты, дорогие свидания, обещали луну с неба, а она лишь разводила всех на «бабки»... Меня пораало, как Оля так легко и ловко могла выходить сухой из воды, когда казалось, ситуация уже не управляема и придется «за все платить». Но неведомый рок спасал ее, и вскоре этот рок стал вырисовываться в виде почтенного старика с седыми пейсами.

Помню, ходил он, не спеша и прихрамывая, и опирался на трость, набалдашник которой был вырезан из слоновой кости в форме черепа. Как все махровые евреи, носил он настоящий талит катан из белой, мягкой шерсти, а на голове иудейскую ермолку. Пахло от него дорогими сигарами, а ботинки всегда даже в самую слякоть были начищены до блеска, что в их зеркальное отражение можно было смотреться и наводить макияж. Ольга раз в месяц приходила к нему за «зарплатой», и всех это вроде устраивало. В городе этого еврея все боялись и почтительно называли Юрием Моисеевичем. Он владел фирмой по установке сигнализаций и был в тесной дружбе с самим губернатором края. Стрелку он всегда любил назначать на мосту ночью под трели влюбленных лягушек, когда грустное лицо луны колышется, словно дрейфующая рыбацкая лодка, отражаясь в бурных водах Кубани. И если разгневанный ухажер все же приезжал на разборки, то Юрий Моисеевич, доставал из кармана своего сюртука удостоверение внештатного сотрудника ФСБ и говорил мягким, но учтивым голосом:

– Вы, молодой человек, разве не знали, с кем связались? Она же несовершеннолетняя? Еще раз я тебя здесь увижу, упеку по статье за растление несовершеннолетней...

Это срабатывало безотказно, и дальнейшие разборки прекращались.

В то время Ольге нужна была молчаливая и послушная подруга, и я ее полностью устраивала.

– Давай жить вместе! – предложила она мне, словно мы сидели с ней в детской песочнице и лепили куличики.

– Давай! – согласилась с радостью я и почувствовала, что жизнь моя кардинально меняется.

Во многом я уповала на Ольгу и ее пробивную способность расталкивать все проблемы локтями и добиваться намеченных целей. Мы сняли квартиру на двоих, далеко от центра, но с домашним телефоном. И это было большим везением, так как тогда мобильные телефоны были большой редкостью.

Квартира в пятиэтажной «хрущевке» оказалась с маленькой уютной спальenkой и с довольно просторным залом. В спальнке мне особо запомнилась проваленная и жутко скрипучая кровать, на которой выпалось не одно поколение советских людей. Такие «говорящие» кровати были и у наших соседей. Как часто через тонкие перегородки дома можно было слушать вздохи и ахи, заглушаемые этим монотонным и уходящим в небытие скрипом целой эпохи. В пыльном углу, обтянутом паутиной, стоял также скрипящий шифоньер с вечно шумно падающими вешалками. В такие моменты от неожиданности замирало сердце, и по стене в панике разбегались тараканы. Помню еще, в коридоре висело синее потускневшее зеркало с памятной, но плохо читаемой надписью, кому-то на свадьбу от кого-то. И я всегда, когда глядела в это зеркало, пыталась невольно разгадать потерянные временем символы. Еще на кухне вечно текли краны. И как мы их не чинили, как не заменяли, они все равно текли и текли. В самом зале практически не было мебели, лишь сервант и обеденный стол, окруженный двенадцатью искалеченными стульями, да дверь с выходом на небольшой балкончик с видом на проезжую часть.

В этой квартире я и отметила свое двадцатилетие. В подарок моя мама сшила по фотографии из книги то самое, знаменитое белое плиссированное платье Мэрилин Монро. Я была безумно рада, чувствовала, что вступаю во взрослую жизнь. Все проблемы и трудности казались мне преодолимыми, я верила в удачу, как никогда. Дух независимости от родительской опеки уже витал в воздухе. Но окончательно свободной я себя почувствовала лишь тогда, когда получила диплом. Это было для меня каким-то подведением итогов и началом новой, неведомой, но очень и очень интересной жизни.

Правда, понятие свободы вначале было извращенно детским максимализмом. Я едва сдерживала себя в рамках приличия. Помню, как на последнем звонке в техникуме танцевала. Мои модные, блестящие сапожки отбивали лихую чечётку на том самом письменном столе, за которым я три года старательно записывала под диктовку преподавателей конспекты о сельскохозяйственной промышленности.

– Крошка моя, я по тебе скучаю, – подпевали мы в унисон, абсолютно счастливые и полные новых надежд.

Жизнь моя протекала, как на курорте. С Ольгой мы просыпались ближе к обеду, делали легкий завтрак, накручивали бигуди, а вечером уже шли гулять по городу, заходили в рестораны поужинать. Особым везением был тот факт, что съемная квартира располагалась напротив квартиры нашей общей подруги. И этому совпадению я придавала мистический оттенок.

Бэнча, в миру Натаха, работала в гаражном кооперативе обычным бухгалтером, зубрила английский язык и мечтала иммигрировать в США. Имея зарплату в четыре тысячи рублей, она каким-то образом выносила ежемесячно из кооператива в сто раз больше, и это в двадцать три года с обычной внешностью жены бригадира. Деньги придавали этой довольно предприимчивой девушке вседозволенность, но никак не влияли на ее человеческие качества. Натаха была добрая и отзывчивая, настоящая блондинка. Правда, немного мужиковата и простовата, но это отнюдь ее не портило. Вся сила ее обаяния и привлекательности была в пышной груди, которую она умела грамотно преподать мужчине и навязать ему свое мнение. На нас с Ольгой она смотрела, как на младших зачуханных сестер. Часто она приходила к нам в гости и давала ценные советы, как одеваться. Через знакомых Бэнча доставала дефицитные товары и продавала их нам по «очень заниженным» ценам. Характер у нее был упертый, и, если какая-то вещь

не подходила, она все равно настаивала на своем, иногда просто приводя в шок своим вкусом окружающих. Мы втроем так крепко сдружились, чисто по-девичьи, что не представляли друг без друга участие в различных мероприятиях. Помню, у Бэнчи был в любовниках усатый круглый мужичок, который вечно ходил с портфельчиком, такой важный, и по-кошачьи ласково жмурился. Приходил он к ней раз в неделю, неслышно поднимался по лестнице, словно крался, и если вдруг встречал кого-то, то снимал почтительно шляпу или кивал, насвистывая веселую мелодию. Все остальные вечера Натаха проводила с нами.

– Опять мой «папа» пришел! – вздыхала она, наводя марафет. – Пойду дёрну с ним по рюмочке!

В это время я случайно познакомилась с человеком, который помог мне впервые ощутить вкус славы. Это был уличный фотограф. Он выскочил из-за голубых елей и, как маньяк, сверкая глазами, полными дикого, болезненного желания, преградил нам путь:

– Девушки, абсолютно бесплатно!

Мы гуляли с Ольгой на центральной площади, облизывая мороженое, и сначала не поняли, что предлагал этот довольно странный человек. Помню его козлиную, мушкетерскую бородку, мятый, короткий донельзя жакет на крупных зеркальных пуговицах да чудакватую шапочку с забавным помпончиком. Бледный, голодный, с какими-то смутными мыслями он взмахнул руками и сделал реверанс, словно принц на балу перед Золушкой. Мы удивленно переглянулись, а он уже тряс перед нами стареньким фотоаппаратом, что-то картавил себе под нос, настраивая объектив. Что-то не получалось. Фотограф жаловался на солнце, грозил ему кулаком, то вдруг панораму стал портить прыщавый мальчишка на велосипеде, и он просил его убратся и даже угрожал проколоть шины. Мороженое быстро таяло на солнце, оставляя молочно-шоколадный след на наших нежных, еще нетронутых пошлостью жизни губах. Мы слизывали этот сладкий нектар кончиком языка и беззаботно смеялись, так что люди, прогуливающиеся мимо, смущались, бросая стыдливые взгляды в нашу сторону.

Казалось, все внимание этого сонного города обращено на нас. Вначале с неба опустилась стая серых, как асфальт, голубей. Это было одновременно красивое, но не совсем приятное зрелище. Они ворковали вокруг нас и путались под ногами. Велосипедист, игнорируя угрозу фотографа проколоть ему колесо, продолжал кататься. То он лихо вставал на заднее колесо, то пытался ехать без руля. Потом вдруг все пробудилось, показывая на нас пальцем. Бабульки крестились, милиционеры свистели, подростки краснели, а один почтенный гражданин, катящий перед собой коляску с карапузом, чуть не свернул себе шею, за что получил от своей пассии подзатыльник. Фотограф продолжал браниться на фотоаппарат, тряся нервно бородкой, а мы все смеялись, когда та парочка с коляской остановились у торговой палатки, и ревнивая дамочка требовала у продавца такое же мороженое, как у нас.

– Арамис, может твоя мыльница замылилась? – спросила нагло Ольга, глядя, как фотограф злобно стучит фотоаппаратом себе о колено.

– Ну что Вы, сударыня! Я ему доверяю больше, чем своей жене!

Наконец фотограф усадил нас на лавочку. Он, как художник перед нетронутым еще кистью холстом, долго стоял в размышлении, смешивая чуткие краски фантазий в живописные образы. На его вспотевшем лбу появлялись морщины, брови высоко изгибались, а глаза вспы-

хивали то радостным огнем вдохновения, то жгучим жаром отчаяния. Мы подчинялись его больной, но заразной воле, с каждым жестом и словом раскрепощались, словно две молодые монашки, попавшие случайно на шабаш и поразившиеся разгулом плоти. Нам уже не было дороги назад, ибо цепкие сладострастные руки неминуемой славы хватали нас и тянули в свой омут. Фотограф придавал нам застывшие позы бессердечных статуй, менял нас местами, просил то улыбаться, то делать грустные лица. Он фотографировал и против солнца, и в тени, как дьявольский экспериментатор катался по асфальту, изгаженному голубями, и щелкал с нижнего ракурса крупным и дальним планом. В моменты великого озарения он побежал к палаточнику за новым мороженым, и, наконец, найдя во мне образ бесстыдной фурии с наивным взглядом девы, воскликнул:

– Эврика!

Вокруг нас собралось множество зевак. Всех поражал тот контраст. Я, Мэрилин Монро в белоснежном атласном ангельском платье, словно сбегавшая невеста, прогуливалась по брусчатой площади богом забытого провинциального городка. Все действие происходило на фоне удивленных и даже завистливых взглядов прохожих. Мое самолюбие ликовало. Там, в прохладных тенях елей, у памятника Ленину, около вечного огня, где журчит фонтанчик, я сверкала в светлом легком платьице в лучах весеннего солнышка и сама лучезарно смеялась. Сам вождь мирового пролетариата показал мне путь своей легкой рукой, и я с тоской вглядывалась вдаль, на трассу Ростов-Баку, скользящую в дымке свинцового смога.

Когда через пару дней мы с Ольгой пришли на городскую площадь за фотографиями, фотограф гордо показал мне свой рабочий стенд.

– Надеюсь, ты не против, – улыбнулся он мне.

Стенд, абсолютно весь, был увешан моими фотографиями, и прохожие с восторгом разглядывали их и, узнавая вдруг меня, живую Мэрилин Монро, перешептывались и пытались заговорить. Больше всего меня поразило тот факт, что Ольга вовсе не завидовала мне, а, наоборот, искренно радовалась моему успеху. Ей не терпелось увидеть меня на олимпе славы. Так я в одно прекрасное утро проснулась знаменитой.

Глава 4

О, как скоротечна эйфория успеха! Тебе кажется, что так будет продолжаться всю жизнь, ты летишь на волне, куда дует ураган славы, забывая про скалы забвения! Их жестокие камни уже ждут тебя, готовые приютить и утешить любого. Как больно падать с пьедестала, если некому боготворить тебя, как гадок смех толпы у туши убитого льва, и ты стоишь одна на самом краю, одинокая и покинутая, смотришь вниз, где кипит муравейник обычной жизни. Никто уже не вспоминает тебя, ты – прошлое, в лучшем случае живая легенда. Как грибы после дождя, появляются новые кумиры, другие сериалы, и старому изношенному идолу остается жалкая участь закрывать дыры и щели в общественном туалете. Но не такая была я, чтобы сдаться. Во мне бурлили силы, и окрыленная первым успехом, я желала еще большей славы. Ведь Мэрилин Монро вечна, она проверена временем. Выбор образа непременно был выигрышный.

Наступало лето, открывался курортный сезон. Через наш город к морю мчались вереницы машин отдыхающих. Отец снова запил. Произошло это в годовщину смерти деда. Как говорится, махнул рюмочку за упокой и пошло-поехало. Чтобы как-то жить и оплачивать съемную квартиру, мне пришлось идти на лето работать официанткой в казино «Тройка». Устроиться туда было нереально, разве что по хорошей рекомендации. Как всегда помог случай. Ольга посоветовала мне устроиться продавщицей в киоске, который находился прямо на трассе Ростов-Баку. Там, по ее заверению, была свободная вакансия. Хозяин торговой точки, грузный армянин, круглолицый, поджаренный на пекле кубанского зноя, встретил меня, как богиню. Он просто не ожидал увидеть на трассе Ростов-Баку живую легенду синемаатографа Мэрилин Монро.

– Мать моя женщина! – его черные, как смоль, глаза расширились, а волосатые сильные пальцы, увешанные дешевыми перстнями, уже чиркали огрызком карандаша на пачке «Беломора» чей-то заветный номер.

– Такая красивая девушка не должна торговать сигаретами, – сказал он с добрым кавказским акцентом.

Моя работа в казино заключалась в своевременном обеспечении гостей алкоголем и закусками. Чаевые были щедрые. В это увеселительное заведение приезжало много блатных, коммерсов и бандитов, у которых «куры денег не клюют». Все они были с амбициями, болезненно воспринимали критику в свой адрес, часто дрались друг с другом. Ко мне они относились больше по-отечески, в обиду не давали, и я постепенно обросла связями и уверенностью в завтрашнем дне. Но мне было одиноко и грустно среди них. Помню, как в прокуренном зале усталые от напряжения лица игроков следили за рулеткой. Крупье, вытирая капли пота со лба беленьким платочком, принимал ставки, а я, маленькая девочка, в образе Мэрилин Монро, с золотистыми кудряшками кружилась с подносом, полным алкогольных напитков, и мило улыбалась гостям. Некоторые игроки были суеверны, верили в провидение, и, увидев меня впервые, спрашивали совета. Вначале я отказывалась, но их настойчивые просьбы делали свое дело, и я говорила, что нужно ставить все на zero, и часто они проигрывали, но на меня не обижались, и надеялись взять реванш в следующий раз.

В зале для игры в покер делались самые большие ставки. Элита города, чиновники, силовики, новоявленные буржуа проматывали разворованные народные деньги, как только умели.

Казалось, они жили одним днем, одним часом, не думали о будущем и вечно боялись, что кто-то более сильный и ловкий разорит их в пух и прах, отнимет, ограбит или посадит на нары. Несметные богатства плавно перетекали из одного кармана в другой, и я, как сторонний прохожий, наблюдая, как в руках этих заядлых рыбаков бьется скользкий, золотистый карась, тихо радовалась и искренно расстраивалась, когда удача то появлялась, то ускользала.

В шуме крутящейся рулетки и звона бокалов лето прошло незаметно. Работа официанткой в казино мне наскучила. Нужно было думать, чем еще заниматься. Получив образование специалиста в сельскохозяйственной промышленности, в доярки я точно не собиралась. Переждав терпеливо зиму, мы с Ольгой и Бэнчей стали ходить в только что открывшийся ресторан «Симон» в районе городского пляжа. Сначала, конечно, на приличное место это было отдаленно похоже, но со временем популярность «Симона» достигла таких высот, что о нем говорили по всему Краснодарскому краю, считая за честь посетить его. Я еще помню, как директор пивзавода решил огородить поросшую лесом и болотной растительностью территорию и организовать там нечто похожее на забегаловку под открытым небом. Чтобы гостей не одолевали комары, ресторан осыпали вокруг каким-то соляным специальным раствором, и казалось, особенно под вечер, когда смеркалось, что мы сидим в заколдованном и защищенном от оборотней и злых духов кругу. Точь—в-точь, как в гоголевском «Вие».

На парковке ресторана всегда было много дорогих иномарок. Многие машины приходилось ставить под деревья в лесу, так как мест не хватало. Многочисленные гости сидели прямо на мощных пеньках за наскоро сколоченными из грубых досок столами. Над всем этим радостно чирикали и кружились лесные птицы. Воздух был волшебным чист. Близость леса давала о себе знать. Сама атмосфера была уютная и непринужденная, напоминающая собой больше охотничий домик, чем ресторан. Тут не раз играли пышные свадьбы, дни рождения. «Симон» славился своей кавказской кухней, чудотворные запахи которой вызывали слюноотделение и будоражили желудки случайных прохожих на несколько километров в округе. Цены были демократические, поэтому за соседними столиками можно было встретить и успешного олигарха, ведущего разборки с местными бандитами, и учащихся техникума, пришедших набить свой живот щами из кислой капусты и на халяву послушать живую музыку.

К ресторану можно было подойти со всех сторон, так как он был под открытым небом, но основной поток посетителей шел по дорожке, протоптанной от пляжа. С этой стороны на возвышенности стоял глиняный козел в натуральную величину. Его неподвижная, потрескавшаяся от влажности морда, покрытая лишайником и мохом, смотрела на гостей неким потусторонним взглядом, и казалось, что ты находишься в каком-то сказочном королевстве, где действуют другие законы бытия. В «Симоне» играла живая музыка, выступали многие, тогда еще неизвестные артисты, например, братья Карецкие. Народ, пьяный, дикий и развязный, всегда толпился возле сцены. Посетители засовывали купюры артистам за пазуху, пихали друг друга, одержимые харизмой артиста и желанием отличиться. Помню, как на аукционе, принимались серьезные ставки, кто первым закажет музыку.

Однажды Бэнча раздобыла классные итальянские шляпки и, как всегда, уговорила их у нее купить. Шляпки, действительно, были «отпад». Нацепив их себе на голову, с многозначительными взглядами, как самовлюбленные леди на Пикадилли, прогуливались мы по городу и, наконец, утомленные мужским вниманием, под вечер поехали в «Симон».

У входа в ресторан стоял пятилитровый Понтиак небесно-изумрудного цвета, самый настоящий шедевр автоискусства, двухдверный, с вращающимися, словно у крокодила глаза,

фарами. Ольга, как хищник вострепнулась, и стала искать среди гостей владельца этой шикарной машины. Местных мы всех практически знали, и она без особого труда зорким орлиным глазом вычислила свою жертву. Им оказался с виду ничем не примечательный горец среднего возраста в мятой рубашке, сидевший скромно в компании своих друзей, медленно поглощая пищу. По неторопливой и вальяжной манере общения можно было догадаться, что этот человек привык управлять и приказывать. Впиваясь своими острыми, как кинжалы, зубами в жирную плоть баранины, джигит бросил на нас пренебрежительный взгляд.

– Ну, все он мой! – решила Ольга.

Мы как-то не придали этому значения и сильно усомнились, что она сможет «закадрить» такого влиятельного мужчину. Проведя весело вечер на свежем воздухе, отплясывая под живую музыку, мы потеряли Ольгу из виду, а когда вернулись домой, рухнули спать у Бэнчи. Под утро, когда ещё было темно, но петухи уже пропели, меня растолкала подруга.

– Эля, Эляяя, быстрее, вставай! Посмотри на чем Ольга приехала!

Она была так взволнована, словно случился пожар, и я спросонья не сразу поняла, что к чему. А когда она вытянула меня на балкон, то я невольно ахнула. Под фонарем у самого подъезда стоял Понтиак, как инопланетный корабль с зажженными фарами, который мы видели у «Симона». Дверь его медленно поползла вверх, а вместе с ней поползли и наши с Бэнчей на лоб глаза, от такой конструкции внеземных цивилизаций. И вот шикарная дверь открылась, словно взмах крыла небесной птицы, и из него выпорхнула счастливая, помятая, но жутко довольная Ольга. Она послала кому-то в темный салон машины воздушный поцелуй и, вилия чуть хмельной походкой, засеменила к дому на своих высоких каблучках. Мы сразу с Бэнчей ломанулись открывать двери. Любопытство овладевало нами до такой степени, что мы даже не думали одеваться. Ольга, ещё мяукая себе под нос модный инопланетный мотив, порхая в эйфории от неожиданного продолжения её охоты, заявила нам еще на лестничной клетке, что пришла за вещами и уезжает с Русиком, он забирает её с собой в Осетию знакомить со своей мамой! Вся ее покрасневшая шея была в засосах, будто она всю ночь провела в ванне с пиявками.

– Ну, надо же! – с нескрываемой завистью закачала головой Бэнча, оперев кулаки в покалтые свои бока. – Да, ты крута Оля, такого мужика отхватила!

– Удача любит смелых! – засмеялась она тогда. – К тому же, мне кажется, я его люблю.

Для меня такое внезапное решение подруги уехать неизвестно куда неизвестно с кем не было удивлением. Я хорошо знала, что Ольга мечтает смотаться из Армавира при первой же возможности и пользуется успехом среди мужчин, в том числе и ради этого. Ее появление в ресторане «Симон» никогда не проходило незаметным. В ее присутствии я чувствовала себя нераспустившимся бутонem, жалкой тенью подруги, и с нетерпением ждала своего часа.

Однажды, еще даже не успев сесть за свободный столик, кто-то угостил нас бутылкой шампанского.

– Фи, лимонад! Дамы пьют текилу! – сделала кислое выражение лица Ольга, отвергнув подарок.

Она властно хмурила брови, топала ножкой. Мужчины были от нее без ума! Готовы были жертвовать чем угодно, лишь бы попасть под ее милость. Вот почему за нашим столиком всегда звучал беззаботный хохот и велись душевные беседы. Моя подруга могла поддержать разговор на любые темы. В свои неполные 18 лет она неплохо разбиралась в политике, машинах, живописи, литературе, хорошо знала мужскую психологию и отлично пользовалась своими знаниями. Это была современная гетера наших дней, созданная исключительно для любви под покровительством самого Эроса. Однажды я не выдержала и спросила ее, что она делает такого, отчего мужчины сохнут по ней.

– Ведь худюшая, как вешалка, симпатичная, но не красавица, умная, но не Мария Кюри же!

Дыхнув свежей водкой и солеными огурцами, Оля снисходительно улыбнулась и шлепнула мне в ухо:

– Знаешь что подруга!

Затем она то ли в шутку, то ли серьезно вытащила из своей сумочки пульт.

– Это подарок Юрия Моисеевича. Из самого Израиля привез.

Я взяла эту диковинку в руки, и, как глупая обезьянка, стала тыкать на кнопки и чесать голову, силясь понять, как все это работает.

– Полегче! Это же пульт от вибратора, – застонала Оля, имитируя сексуальное блаженство. – Я применяю его, как только вижу подходящего мужчину, и он, непроизвольно вдыхая мои флюиды, уже бессилён противостоять моим колдовским чарам. Вот смотри!

И она, отобрав у меня секретное оружие, смеясь на весь ресторан, сразу же «закадрила» двух богатеньких старичков за соседним столиком. Они выпучили на нее свои белесые глаза, и, перебирая увядшими, выцветшими губами перешептывались и улыбались той виноватой улыбкой, обладатели которой уже не могут, но все еще хотят.

Правда, однажды интуиция подкачала ее. Произошло это именно тогда, когда Ольга встретила своего нового избранника и повелась на его дорогую машину. Она не обратила внимания на то, что номера были транзитные. Только потом уже выяснилось, что этот горец, вечно помятый, небритый, ночующий в гостиницах, перегонял угнанные иномарки из Венгрии через наш городок в горную Чечню. У него была серьезная «крыша», которая помогала ему с местными ментами. Оленька и клюнула, как окунь на блесну, ездила с ним повсюду, и даже в Чечню. Может быть, за болтливый язык или повод к ревности, но ее герой стал поднимать руку, и уже скоро моя подруга без паспорта на накладных, трясясь в плацкартном вагоне, голодная и ободранная, добиралась до Москвы, словно беженка. На голове ее прыгали придорожные вши, а драповая шляпка, в которой она некогда щеголяла в «Симоне», долгие дни служила ей подстилкой вместо подушки, и затеняла исхудалое лицо ее с огромным синяком вокруг глаза. Под испуганными, заплаканными глазами синели круги от жестоких побоев, и было в этом нечто от Пикассо, размыто красивое, но непонятное.

Но пока Ольга наслаждалась красотами чеченских гор, танцевала лезгинку и кушала шашлычок, мы с Натахой «Бэнчей», немного осиротев, пошли провести вечер в «Симон», так

сказать, «тряхнуть стариной». На мне было плиссированное белоснежное платье, а на моей подруге красный обтягивающий комбинезон, из которого выпирала, словно тесто на дрожжах, пышная грудь четвертого размера. Натаха шла решительной походной. На днях она поссорилась со своим усатым любовником.

– Ну как же так! – возмущалась она, гневно стуча по асфальту двенадцати сантиметровыми утонченными шпильками, – Говорит, что любит, а от жены уходить не хочет.

– Парадокс какой-то, – поддакивала я, едва поспевая за Бэнчей.

Когда мы зашли в «Симон», нас приветствовал администратор Саша, бывший «афганец». Добрый, отзывчивый, с детским, вечно улыбающимся взглядом. Он всегда был любезен с нами и обходителен.

– Сейчас все будет! – улыбнулся он нам.

Были выходные. Народу было очень много. В лесном полумраке между деревьев и декораций едва были различимы силуэты гостей. На танцполе звучала живая музыка. Веселье было в самом разгаре. Многие столики объединились, и компании с размахом отмечали свои праздники и встречи, шумно кричали. Как трудолюбивые пчелки, носились официанты с подносами, в поту и с усталыми и источающими халдейские улыбки лицами. Повсюду чокались, говорили тосты, скрежетала посуда от усердной работы вилок и ножей. Веселый хохот разносился по ресторану, словно раскаты грома. От пляжа тянуло прохладой, и несколько парочек целовались при тусклых огнях груженной углем баржи, медленно плывущей по волнам, как мертвая туша динозавра. Я вдруг вспомнила о Леше, и на сердце стало грустно. Может быть, чары экстрасенса снова имели власть надо мной, и я еще любила своего предателя, но гордость, здравый смысл и обида не давали мне возможности возобновить с ним отношения. С другой стороны мне хотелось новой любви, свежих, неиспорченных пошлостью чувств. Я, как утомленный бессмысленными музами художник, скомкала неудачный рисунок, приносящий мне столько боли и недовольства, и готова была начать все с чистого листа. Но иногда взгляд мой падал на корзину с мусором, и я бросалась к ней и рылась в своем прошлом, пытаясь отыскать ошибки и причины моего неудовлетворенного состояния.

«Наверно, все же дважды в одну реку не входят!» – решила я, наконец, и в этот момент Натаха толкнула меня в бок.

– Что за мужик тебе машет? Ты его знаешь?

Где-то в метрах тридцати мне действительно показывал знаки внимание молодой мужчина лет тридцати. Он был облачен в светлый костюм цвета «кофе с молоком», белую сорочку и широкий представительский галстук. По жестам и мимике я поняла, что мужчина пьян, но находится в той степени возбудимости, когда хочется свернуть горы и переплыть океан.

– Мэрилин Монро, иди сюда! – пытался перекричать музыку он, но увидев, что мы смущены его вниманием и недоверчиво переглядываемся между собой, сам направился к нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.